

суется им в «Письме» в далеко не благожелательном тоне... Аргументация Иосифа Санина, данная в письме... больше всего напоминает тенденциозное изложение взглядов Иосифа Санина его противником Вассианом Патрикеевым... Приписать Иосифу Санину мысль о том, что если не будет сел у монастырей, то в монастырь не будут постригаться монахи из „честных и благородных людей“, могли только его идейные противники».¹ Едва ли можно согласиться с этими утверждениями А. А. Зимина. Несомненно, что «Письмо о нелюбках» — относительно поздний и не вполне достоверный источник. Однако видеть в этом памятник тенденциозное произведение, составленное «идейными противниками» Иосифа Волоцкого, на наш взгляд, нет оснований. Нил Полев был верным учеником Иосифа Санина; он действительно жил в пустыни у Нила, но отправился туда, как мы уже отметили, с благословения «отца» Иосифа; когда началась борьба между иосифлянами и нестяжателями, Нил Полев выступил в нескольких посланиях в роли энергичного защитника позиций иосифлян.² В этой же роли выступает и автор «Письма о нелюбках», — он не только не рисует Иосифа в «далеко не благожелательном тоне», но прямо защищает его. Он, несомненно, считает правильным выступление Иосифа Волоцкого против помилования еретиков, ибо еретики, по его словам, начали «каяться лестно, а не истинно». С большим сочувствием автор «Письма о нелюбках» рассказывает о том, как Дионисию Звенигородскому удалось обнаружить «ересь» у белозерских старцев и как Иосиф переслал грамоту об этой ереси великому князю, — несмотря на то, что правота Иосифа и Дионисия была подтверждена свидетелем, нестяжателям удалось избавить белозерских старцев от наказания и добиться несправедливого осуждения Дионисия и Нила Полева.³ «Речь» Иосифа в «Письме о нелюбках» также передается автором без малейших признаков неодобрения; ссылка на «честных и благородных старцев» приводится как второй аргумент после ссылки (действительно фигурировавших на соборе 1503 года) на авторитет «преподобных отцов», владевших «селами».

Сопоставление с приведенным выше материалом по истории Волоколамского монастыря (и прежде всего с пространной редакцией «Устава», вводящей «три устройства» для разных категорий монахов) позволяет считать, что аргументы, приведенные в «Письме о нелюбках», вполне соответствовали действительной практике XVI века. Из всего, однако, нет не-

¹ А. А. Зимин. О политической доктрине Иосифа Волоцкого, стр. 170—171

² В. Жмакин. Нил Полев, стр. 189—196.

³ Прибавления к творениям св. отцов, X, стр. 506—507. А. А. Зимин считает известие «Письма о нелюбках» об открытии этой «ереси у пустынников» и о последующем доносе Иосифа доказательством неблагожелательности «Письма» к Иосифу: «Там рассказывается, например, о ложном доносе Иосифа на белозерских старцев. Этим самым как бы подтверждалось мнение Серапиона, архиепископа новгородского, об Иосифе как о ябеднике» (О политической доктрине Иосифа Волоцкого, стр. 170). Это — недоразумение. Независимо от того, существовала ли действительно среди «белозерских старцев» ересь или нет, «Письмо о нелюбках» считало донос Дионисия, переданный Иосифом, не ложным, а справедливым. «И ту великую ересь, — читаем мы в «Письме», — видел старец Дионисий да священник. И к Иосифу старец Дионисий прислал старца Серапиона крестника с грамотой и в ней написал, что у пустынников видел ересь. Иосиф прочел грамоту, да послал ту грамоту к ростовскому архиепископу Васьяну». Когда же вызвали свидетеля «великой ереси» — попа, то он (вопреки Вассиану Патрикееву, утверждавшему, что «грамота писана лукавством») подтвердил обвинение: «сказал так, как в грамоте писано» (разрядка всюду наша, — Я. Л.). Тенденциозность этого рассказа «Письма о нелюбках» заключается как раз в том, что он стремится подчеркнуть всеиллие великокняжеского фаворита Вассиана Патрикеева, который подверг попытке попа-свидетеля, не сумев заставить его отречься от данных показаний и все-таки добился прекращения дела и заточения Дионисия и Нила Полева.